

Лариса Вязикова

Из истории формирования русской графики и орфографии

Studia Rossica Posnaniensia 34, 69-73

2008

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF RUSSIAN GRAPHICS AND ORTHOGRAPHY

ЛАРИСА ВЯЗИКОВА

ABSTRACT. The 15th century is a difficult period in the history of Russian writing. It is the period of the development of new graphic and spelling norms, caused by the re-establishment of Old Slavonic. Consequently, in the Russian written records of the 15th century appeared Greek characters as it had happened earlier in the 11th century to the texts copied from Old Slavonic sources. Some of them had since been widely used in Russian writing and existed till the reform of 1918. The orthography of the 15th century is also characterized by certain new features connected with the decay of reduced vowels. Some of these innovations have become the codified forms of modern writing.

Лариса Вязикова, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск – Россия.

В связи с принятием христианства на Руси появилась потребность в церковных книгах. Как известно, первые книги, появившиеся в Древней Руси, были написаны на старославянском языке. Так как старославянский и древнерусский языки были родственными, конечно, происходило взаимовлияние двух славянских языков и адаптация старославянского языка на древнерусской почве. Этой проблемой занимались такие ученые, как А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, И.И. Срезневский, Л.П. Якубинский, С.П. Обнорский.

После долголетних исследований возникают две противоположные точки зрения на то, как церковнославянский (старославянский) язык влиял на древнерусский литературный язык. Эти точки зрения А.И. Горшков условно называет „теорией Шахматова” и „теорией Обнорского”¹. Первая теория говорит о том, что по своему происхождению русский литературный язык – это церковнославянский язык на русской почве, русские люди не считали его болгарским по происхождению. Такой позиции придерживались А.И. Собо-

¹ А.И. Горшков, *Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке*. В: *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, Москва 1987, с. 18.

левский², Ф.Ф. Фортунатов³. Вторая теория утверждала, что в основе древнерусского литературного языка лежал живой разговорный язык древнерусских писателей, а не церковнославянский язык. А.И. Горшков отмечает: „Сопоставляя «теорию Шахматова» и «теорию Обнорского», нетрудно увидеть, что с точки зрения первой древнерусский литературный язык XI в. был обрусевшим древнеболгарским, а с точки зрения второй – обогаренным русским”⁴.

В.В. Виноградов предложил более аргументированную теорию взаимовлияния старославянского и древнерусского языка. В основе его теории лежит учение о „типах языка”: „литературно обработанном народном типе” и „книжно-славянском типе”. В.В. Виноградов считал эти типы с „генетической точки зрения” двумя разными языками, но при этом „типы языка” противопоставляются друг другу лишь „в своих контрастных, наиболее «чистых концентрациях», но уже в XI в. «книжно-славянский тип в восточнославянском обличьи и народно-литературный восточнославянский тип вступили в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы”⁵.

По мнению Т.Л. Мироновой, „теория Виноградова не смогла решить ряда проблем языкового взаимодействия, поскольку в ней определяющим фактором для выяснения специфики литературного языка признавались лексика, семантика и синтаксис, а о механизмах взаимодействия древнерусской и старославянской морфологии, грамматической семантики и о тесно связанных с ними проблемах взаимоотношений старославянской и древнерусской орфографии в основном умалчивалось, хотя именно эти элементы языка являются наиболее показательными при определении его генетической природы и его нормированности как языка литературного”⁶.

Следуя концепции В.В. Виноградова и опираясь на работы Л.П. Жуковской, В.В. Иванова, В.В. Колесова, О.Н. Трубачева, написанные в последние десятилетия, А.И. Горшков считает, что „ориентация на старославянские образцы в большей степени проявилась в языке религиозной литературы, в меньшей – в языке светской литературы и почти отсутствовала в деловом языке... Роль старославянского языка в сложении древнерусского литературного языка была большой и положительной, но заключалась она не в том, что старославянский язык функционировал на Руси в качестве литературного

² А.И. С о б о л е в с к и й, *История русского литературного языка*, Ленинград 1980, с. 22.

³ Ф.Ф. Ф о р т у н а т о в, *Лекции по фонетике старославянского языка*. В: его же, *Избранные труды*, т. 2, Москва 1957, с. 5–6.

⁴ А.И. Г о р ш к о в, указ. соч., с. 21.

⁵ В.В. В и н о г р а д о в, *История русского литературного языка. Избранные труды*, Москва 1978, с. 87, 102.

⁶ Т.Л. М и р о н о в а, *Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв.*, Москва 2001, с. 150.

языка, а в том, что старославянский язык оказал значительное влияние на формирование приемов и способов литературного употребления древнерусского языка... Старославянский язык распространялся на Руси в процессе переписки книг, главным образом, церковно-канонических, предназначенных для богослужения. Под пером древнерусских переписчиков он утратил чисто старославянский облик и приобрел восточнославянские черты”⁷.

В XV веке на Руси появляются рукописи, в которых вновь стали употребляться старославянские графико-орфографические особенности, которые больше встречаются в церковных книгах и почти отсутствуют в грамотах. XV век – сложный период в истории русской письменности. Со второй половины XIV века в связи с завоеванием Балкан турками на Русь усилился приток болгарских и сербских эмигрантов. Многие деятели культуры и искусства из Византии, Сербии, Болгарии, Афона обосновались в Москве, Новгороде и других русских городах. Этому способствовало и возведение болгарина Киприана на митрополичью кафедру. Киприан был высокообразованным человеком, в его коллекции содержалось большое число книг, которые он привез с собой. Рукописи XV в. написаны и болгарским, и сербским, и русским изводом, в ряде списков встречается смешанный тип извода: например, болгарский извод с русскими графическими, орфографическими, фонетическими и грамматическими особенностями. В связи с тем, что в рукописях, оказавшихся на Руси, учеными обнаружено много южнославянских особенностей, в науке появляется термин „второе южнославянское влияние”, и во всех рукописях конца XIV века и XV века сторонники „южнославянского влияния” находят болгарские и сербские языковые черты, не желая признавать того, что на Руси этого периода писали как русские, так и болгарские книжники, и, конечно, писать они могли только на своем родном языке. Известны три рукописи Киприана. „Это Лествица 1387 г., написанная им в Константинополе в монастыре Иоанна Предтечи (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 152), недатированные Творения Дионисия Ареопагита (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 144) и Псалтырь с воследованием (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 142)”⁸.

Русские писцы могли делать копии с болгарских рукописей, перенося из оригинала оформление списка и языковые особенности. Так была сделана тверская Лествица 1402 г. с рукописи митрополита Киприана⁹. И, конечно, в данном списке надо рассматривать не признаки южнославянского влияния, а особенности болгарской орфографии после реформы Евфимия Тырновского.

⁷ А.И. Горшков, указ. соч., с. 27–28.

⁸ Г.И. Вздорнов, *Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв.*, „ТОДРЛ” 1968, т. XXIII, с. 173.

⁹ Л.П. Саенко, *Палеография, графика, орфография тверской Лествицы 1402 г.*, автореф. дис. ...канд. филол. наук, Москва 1984, с. 20.

Рукопись также могла быть написана болгаринном, долго прожившем на Руси и воспринимавшем русскую речь как родную, поэтому в таком списке могут встретиться и болгарские, и русские языковые особенности в той степени, в какой русский язык был усвоен болгарским писцом.

Правильно утверждает М.В. Иванова, что „вся дискуссионность и нерешенность проблемы второго южнославянского влияния... является следствием того, что ученые находятся в плену самого термина «второе южнославянское влияние»»¹⁰. Под влиянием Л.П. Жуковская понимает „такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приемы и законы южнославянской письменности»¹¹. Памятники письменности XV века нужно рассматривать, на наш взгляд, и как рукописи русского извода, и как рукописи болгарского/сербского извода, и как смешанного извода, т.е. те списки, которые были скопированы с болгарских/сербских рукописей.

Ряд ученых (Л.П. Жуковская, Б.А. Ларин, Н.А. Мещерский, А.И. Горшков, D. Worth, Л.Г. Панин) появление в русской письменности некоторых южнославянских графико-орфографических и греческих графических особенностей связывают со стилистической тенденцией архаизации письма, а не с южнославянским влиянием на русскую письменность через 150 лет после того, как балканские страны были заняты Османской империей. Американский славист D. Worth пишет: „При изучении т.н. «второго южнославянского влияния» следует различать явления, с одной стороны, стилистического (риторического) порядка, а с другой, чисто лингвистического; первые имеют значение, преимущественно, для развития языка художественной литературы... восходят не к болгарским или сербским источникам, а представляют собой скорее возобновление и интенсификацию риторических приемов древнерусской (киевской) поры. Подобным образом обстоит дело и с чисто лингвистическими явлениями исследуемого периода... Сам термин «второе южнославянское влияние» оказывается неправильным: лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по происхождению не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдо-классическими)»¹². Б.А. Ларин считает, что „эмиграция южнославянских деятелей культуры и церкви в связи с разгромом Болгарии и Сербии не могла быть причиной «второго южнославянского

¹⁰ М.В. Иванова, *Второе южнославянское влияние. Термин и сущность*. В: *Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме*, Москва 1996, с. 100.

¹¹ Л.П. Жуковская, *О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (На материале пролож. „Жития Евгения“)*. В: *Язык и письменность среднеболгарского периода*, Москва 1982, с. 28.

¹² D. Worth, *Так называемое „второе южнославянское влияние“ в истории русского литературного языка*. В: *Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г.*, Москва 1983, с. 222–223.

влияния»¹³, хотя „усиление связи с балканскими странами имело большое значение для поддержки религии, церковной письменности в пору, когда единство веры было важной силой, побуждающей бороться с монголо-татарским игом”¹⁴. Ученый полагает, что со второй половины XV в. начинается другой процесс, который Б.А. Ларин обособляет от „второго южнославянского влияния” и называет как „реставрация старославянского языка... и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры”¹⁵. Л.Г. Панин называет этот процесс реформацией церковнославянского языка, так как „он был призван выполнять важнейшую функцию духовного объединения славян. Реформируя местный извод церковнославянского языка, древнерусские книжники обращались к его истокам – старославянской и древнерусской традициям церковнославянского языка”¹⁶.

Поэтому в русской письменности, так же как и в ранних русских текстах XI в., списанных со старославянских протографов, в орфографии начинают употребляться южнославянские особенности, в графике появляются греческие буквы *ς* „зело”, *θ* „фита”, *ψ* „пси” вместо русских сочетаний *ЛС*, *ξ* „кси” вместо *КС*, *ν* „ижица”. Буква *ω* „омега” стала писаться не только в начале слова, но и после согласных в середине и на конце слов. „Фита” *θ* и „ижица” *ν* стали широко употребляться в русской графике и просуществовали до реформы 1918 года.

Вновь появляется „юс большой”, на месте праславянского сочетания **dj*, где до XV века писалась буква *Ж*, стало писаться сочетание *ЖД*, как в южнославянских рукописях: *нужа* – *нужда*, *хожсение* – *хождение*, *рождество* – *рождество*, *преже* – *прежде*. В орфографии XV века появляются новые черты, которые связаны с падением редуцированных гласных. Некоторые из этих инноваций стали кодифицированными формами современного письма:

1) в приставках на согласный перед гласными пишется буква **Ъ**, которая стала выполнять роль разделительного знака;

2) в суффиксах имен прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени появляется удвоенная **НН**;

3) на стыке приставок на **З-(С-)** и корня начинают писаться буквы **ЗЗ-**, **СС-**: вместо *бестрашиие* стало *бесстрашиие*.

В целом, те изменения, которые произошли в графике и орфографии в русском языке XV в., нашли отражение в современном письме.

¹³ Б.А. Л а р и н, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*, Москва 1975, с. 238.

¹⁴ Там же, с. 241–242.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Л.Г. П а н и н, *История церковнославянского языка и лингвистическая текстология*, Новосибирск 1995, с. 17.